

♦ К А Р Л О С ♦

КАСТАНЕДА

— 1 —

{
УЧЕНИЕ ДОНА ХУАНА • ОТДЕЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
ПУТЕШЕСТВИЕ В ИКСТЛАН • СКАЗКИ О СИЛЕ
ВТОРОЕ КОЛЬЦО СИЛЫ
}

УДК 821.111(73)-312.1

ББК 88.6

K28

Художник В. Ерко

Кастанеда Карлос

K28 Учение дона Хуана; Отдельная реальность; Путешествие в Икстлан; Сказки о силе; Второе кольцо силы / Перев. с англ. — М.: ООО Книжное издательство «София», 2017. — 688 с.

ISBN 978-5-906791-55-9

Новое издание Карлоса Кастанеды — наша благодарность автору и дар читателю. Феномен Кастанеды невероятен. На нашей планете еще не было писателя, который так изменил бы взгляд человечества на привычный мир.

Кто он был — Карлос Кастанеда? Ученик величайшего Учителя или величайший мистификатор? Да какое это имеет значение!

Если старый Нагваль дон Хуан — его выдумка, то великий учитель — сам Кастанеда. Человек, сдвинувший *точку сборки* всего человечества.

Нет и, возможно, не будет на Земле книг, равных по Силе и тайне книгам Карлоса Кастанеды.

УДК 821.111(73)-312.1

ББК 88.6

The teaching of Don Juan by Carlos Castaneda

© 1968 by the Eagle's Trust

Seperate reality by Carlos Castaneda

© 1971 by Carlos Castaneda

Journey to Ixtlan by Carlos Castaneda

© 1972 by Carlos Castaneda

Tales of Power by Carlos Castaneda

© 1974 by Carlos Castaneda

The Second Ring of Power by Carlos Castaneda

© 1977 by Carlos Castaneda

Все права зарезервированы, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

ISBN 978-5-906791-55-9

© ООО Книжное издательство «София», 2016

Содержание

УЧЕНИЕ ДОНА ХУАНА

<i>Введение</i>	11
<i>Глава 1</i>	17
<i>Глава 2</i>	21
<i>Глава 3</i>	30
<i>Глава 4</i>	47
<i>Глава 5</i>	55
<i>Глава 6</i>	63
<i>Глава 7</i>	68
<i>Глава 8</i>	74
<i>Глава 9</i>	79
<i>Глава 10</i>	83
<i>Глава 11</i>	91

ОТДЕЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

<i>Введение</i>	100
-----------------------	-----

Часть I. ПОДГОТОВКА К ВИДЕНИЮ

<i>Глава 1</i>	108
<i>Глава 2</i>	110
<i>Глава 3</i>	121
<i>Глава 4</i>	129
<i>Глава 5</i>	139
<i>Глава 6</i>	147

Часть II. ЗАДАЧА ВИДЕНИЯ

<i>Глава 7</i>	156
<i>Глава 8</i>	165
<i>Глава 9</i>	168
<i>Глава 10</i>	173
<i>Глава 11</i>	179
<i>Глава 12</i>	187
<i>Глава 13</i>	194
<i>Глава 14</i>	203
<i>Глава 15</i>	214
<i>Глава 16</i>	218
<i>Глава 17</i>	228

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИКСТААН

Введение..... 238

Часть I. «ОСТАНОВКА МИРА»

<i>Глава 1. Мир соглашается</i>	242
<i>Глава 2. Стирание личной истории</i>	247
<i>Глава 3. Отказ от чувства собственной важности</i>	251
<i>Глава 4. Смерть-советчик</i>	255
<i>Глава 5. Принять ответственность</i>	261
<i>Глава 6. Стать охотником</i>	267
<i>Глава 7. Стать недоступным</i>	273
<i>Глава 8. Разрушение распорядков</i>	280
<i>Глава 9. Последняя битва на земле</i>	284
<i>Глава 10. Открыться силе</i>	290
<i>Глава 11. Настроение воина</i>	299
<i>Глава 12. Битва силы</i>	308
<i>Глава 13. Последняя стоянка воина</i>	319
<i>Глава 14. Походка силы</i>	328
<i>Глава 15. Не-делание</i>	342
<i>Глава 16. Кольцо силы</i>	352
<i>Глава 17. Достойный противник</i>	360

Часть II. ПУТЕШЕСТВИЕ В ИКСТААН

<i>Глава 18. Магическое кольцо силы</i>	368
<i>Глава 19. Мир останавливается</i>	376
<i>Глава 20. Путешествие в Икстлан</i>	382

СКАЗКИ О СИЛЕ

Часть I. СВИДЕТЕЛЬ ДЕЙСТВИЯ СИЛЫ

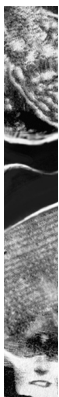
Глава 1. Свидание со знанием.....	390
Глава 2. Видящий сон и видимые во сне	413
Глава 3. Секрет светящихся существ	427

Часть II. ТОНАЛЬ И НАГВАЛЬ

Глава 4. Должен верить.....	439
Глава 5. Остров тоналя.....	445
Глава 6. День тоналя	452
Глава 7. Сжатие тоналя.....	460
Глава 8. Во времени нагваля	468
Глава 9. Шепот нагваля.....	478
Глава 10. Крылья восприятия.....	486

Часть III. ОБЪЯСНЕНИЕ МАГОВ

Глава 11. Три свидетеля нагваля	493
Глава 12. Стратегия мага	501
Глава 13. Пузырь восприятия	519
Глава 14. Предрасположение двух воинов	528

ВТОРОЕ КОЛЬЦО СИЛЫ

Предисловие	538
Глава 1. Преображение доньи Соледад	538
Глава 2. Сестрички.....	568
Глава 3. Ла Горда.....	587
Глава 4. Хенарос	613
Глава 5. Искусство сновидения	638
Глава 6. Второе внимание	664

УЧЕНИЕ ДОНА ХУАНА

*Дону Хуану и еще двоим, разделяющим со мной
его чувство магического времени*

*Para mi solo reconer los caminos que tienen corazon,
cualquier camino que tenga corazon.
Por ahi yo recorro, y la unica prueba que vale
es atravesar todo su largo.
Y por ahi yo recorro mirando, mirando, sin alieno.*

Для меня существует только тот путь,
которым я странствую, любой путь,
который имеет сердце или может иметь сердце.
Тогда я следую ему, и единственный достойный вызов —
пройти его до последней пяди.
И я иду по нему, иду и смотрю — пока я жив.

Дон Хуан

*Необходимо лишь установить начало и направление бесконечного пути.
Любые попытки систематизации в итоге бесполезны.
Достижение совершенства возможно лишь в субъективном смысле
непосредственного переживания всего,
что окажется способен увидеть ученик.*

Георг Зиммель

Введение

Летом 1960 года я, в ту пору еще студент факультета антропологии при Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, предпринял несколько поездок на Юго-Запад с целью сбора информации о лекарственных растениях, используемых местными индейцами. Одна из этих поездок и привела к началу описываемых здесь событий.

Я ожидал автобус на станции в приграничном городке, беседуя с приятелем, который сопровождал меня в качестве гида и помощника. Вдруг он наклонился ко мне и прошептал, что вон тот старый седой индеец, который сидит у окна, отлично разбирается в растениях, и в пейоте особенно. Я попросил нас познакомить.

Приятель окликнул старика, потом подошел к нему и пожал руку. Поговорив с минуту, он жестом подозвал меня и исчез, предоставив мне самому выпутываться из ситуации. Старик был невозмутим. Я представился; он сказал, что зовут его Хуан и что он к моим услугам. По-испански это было сказано с отменной учтивостью. По моей инициативе мы обменялись рукопожатиями и оба замолчали. Это молчание, однако, не было натянутым, оно было спокойным и естественным.

Хотя морщины, покрывавшие его смуглое лицо и шею, свидетельствовали о почтенном возрасте, меня поразило его тело — поджарое и мускулистое. Я с важностью сообщил, что собираю сведения о лекарственных растениях. Хотя я почти ничего не знал о пейоте, тем не менее дал понять, что сведущ в этом вопросе и что вообще со мной стоит познакомиться поближе.

Пока я нес эту чушь, он медленно кивнул и пристально взглянул на меня, не говоря ни слова. Я невольно отвел глаза, и сцена закончилась гробовым молчанием. Наконец, после нестерпимо затянувшей-

ся паузы, дон Хуан поднялся и выглянул в окно. Подошел его автобус. Он попрощался и уехал.

Я был раздражен своей дурацкой болтовней под его необычным взглядом, — казалось, он видел меня насквозь. Вернулся приятель и, узнав о моей неудачной попытке выведать что-нибудь от дона Хуана, постарался меня утешить — старик, мол, вообще неразговорчив и замкнут. Однако тягостное впечатление от этой первой встречи было не так-то легко рассеять.

Я приложил усилия, чтобы разузнать, где живет дон Хуан, и после не раз приезжал к нему в гости. При каждой встрече я пытался вывести его на разговор о пейоте, но безуспешно. Мы, тем не менее, стали хорошими друзьями, и со временем мои научные изыскания были позабыты или, во всяком случае, приобрели совершенно новое направление, о котором я вначале не мог и подозревать.

Приятель, который нас познакомил, позже разъяснил, что дон Хуан не был уроженцем Аризоны, где мы встретились; он родился в мексиканском штате Сонора, в племени индейцев яки.

Поначалу дон Хуан был для меня попросту занятным стариком, который очень хорошо говорит по-испански и превосходно разбирается в пейоте. Однако знавшие его утверждали, что он «брухо» — целитель, знахарь, колдун, маг.

Прошел целый год, прежде чем он начал мне доверять. В один прекрасный день он сообщил, что обладает особыми знаниями, которые передал ему «бенефактор»^{*} — так он называл своего учителя. Теперь дон Хуан, в свою очередь, избрал меня своим учеником и предупредил, что мне предстоит сделать очень серьезный выбор, так как обучение будет долгим и трудным.

Рассказывая о своем учителе, дон Хуан часто употреблял слово «диаблеро». Этим словом, которым, кстати, пользуются только индейцы из Соноры, называют оборотня, который занимается черной

^{*} «Благодетель» (англ.). — Прим. перев.

магией и способен превращаться в животных — птицу, собаку, койота или любое другое существо.

Как раз во время очередной поездки в Сонору со мной произошло любопытное приключение, иллюстрирующее отношение индейцев к «диаблеро». Я вел машину ночью, в компании двух друзей-индейцев. Вдруг дорогу пересекло животное, похожее на собаку. Один из моих попутчиков предположил, что это громадный койот. Я притормозил и свернул к обочине, чтобы лучше рассмотреть странное существо. Еще несколько секунд оно стояло в лучах фар, а затем скрылось в кустарнике. Это был, без сомнения, койот, только вдвое больше обычного. Под конец возбужденной перепалки мои друзья сошлись в том, что животное было, во всяком случае, очень необычное, а один из них высказал предположение, что это был «диаблеро». Я решил воспользоваться этим случаем и расспросить местных индейцев об их поверьях, связанных с *диаблеро*. Я рассказывал эту историю многим, выпрашивая, что они об этом думают. Привожу три разговора, которые иллюстрируют их мнения на этот счет.

— Как ты думаешь, Чой, это был койот? — спросил я выслушавшего эту историю молодого индейца.

— Кто его знает. Да нет, собака, конечно. Койот поменьше.

— А может, это был *диаблеро*?

— Ну вот еще. Такого не бывает.

— А почему ты так считаешь, Чой?

— Люди воображают всякое. Бьюсь об заклад, поймай ты это животное — и оказалась бы простая собака. Были у меня как-то дела в другом городе, встал я до рассвета, оседлал лошадь. Выезжаю — вижу, на дороге черная тень, точно большая зверюга. Лошадь встала на дыбы, выбросила меня из седла, да и сам я порядком струхнул. А оказалось — это соседка, тоже в город направилась.

— Ты хочешь сказать, Чой, что не веришь в существование *диаблеро*?

— *Диаблеро*? А что это такое? Скажи-ка мне, что такое *диаблеро*!

— Да не знаю, Чой. Мануэль, который с нами тогда ехал, сказал, что это мог быть *диаблеро*, а не койот. Может быть, ты мне скажешь, что такое *диаблеро*?

— Ну, говорят, что *диаблеро* — это *брухо*, который во что захочет, в то и превратится. Так ведь каждый знает, что это враки. Старики здесь напичканы историями про *диаблеро*. Но от нас, от молодых, ты этих глупостей не услышишь.

— Что это было за животное, как ты думаешь, донья Лус? — спросил я женщину преклонных лет.

— Точно все знает один Господь, но я так думаю, что это был не койот. Бывает такое, что посмотришь — койот, а на самом деле вовсе не койот. Скажи, бежал он просто или что-нибудь нес в зубах?

— По большей части стоял на месте, но в тот момент, когда я его увидел, мне показалось, что он что-то ест.

— А ты уверен, что он ничего не нес в зубах?

— Трудно сказать. А что, тут есть какая-то разница?

— Да, разница есть. Если он что-то нес в зубах, то это был не койот.

— Тогда что же?

— Мужчина или женщина.

— А как они у вас называются, донья Лус?

Она не ответила. Я выпрашивал и так и сяк, но безуспешно. Наконец она сказала: «Не знаю». Я спросил, не их ли называют *диаблеро*. Да, ответила она, есть и такое название.

— А ты сама не знаешь какого-нибудь *диаблеро*?

— Знала я одну женщину. Ее убили. Я тогда была еще ребенком. Женщина, говорили, превращалась в суку и как-то ночью забежала в дом белого, хотела стащить сыр. Белый ее застрелил из двустволки, и как раз тогда, когда сука сдохла в доме белого, женщина умерла у себя в хижине. Собрались ее родственники, пришли к белому и потребовали выкуп. За ее убийство белый выложил много денег.

— Как же они могли требовать выкуп, если белый убил всего лишь собаку?

— А они сказали, что белый знал, что это не собака, ведь с ним были еще люди и все они видели, как собака встала на задние лапы и, совсем как человек, потянулась к сыру, который лежал на подносе, а поднос был подвешен к кровле. Они тогда ждали вора, потому что сыр того белого каждую ночь исчезал. Так что белый убил вора, зная, что это не собака.

— А теперь есть *диаблеро*, донья Лус?

— Такие вещи под большим секретом. Говорят, что их уже нет, но я сомневаюсь, потому что кто-то из семьи *диаблеро* должен получить его знание. У них свои законы, и один из них в том и состоит, что *диаблеро* должен кому-то из своего рода передать свои тайны.

— Как ты думаешь, Хенаро, что это было за животное? — задал я вопрос древнему старику.

— Собака с какого-нибудь местного ранчо, что же еще?

— А мог это быть *диаблеро*?

— *Диаблеро*? Ты ненормальный. Они не существуют.

— Ты хочешь сказать, что теперь не существуют или вообще не существовали?

— Когда-то существовали, это да. Это всем известно. Кто ж этого не знает. Но люди их очень боялись и всех поубивали.

— Кто же их убил, Хенаро?

— Да все племя. Последний *диаблеро*, которого я знал, был С. Он своим колдовством извел десятки, если не сотни людей. Терпение наше кончилось, как-то ночью мы собрались все вместе и взяли его врасплох, да и сожгли живьем.

— А давно это было?

— Году в сорок втором.

— Ты что, сам это видел?

— Да нет, но люди до сих пор об этом говорят. Говорят, от него даже золы не осталось, а ведь дрова для костра специально были сырые. Все, что осталось под конец, — так это большая лужа жира.

Хотя дон Хуан сказал, что его учитель был *диаблеро*, он никогда не говорил, где получил от него знания, и никогда не упоминал его имени. О себе дон Хуан не рас-

сказывал почти ничего. Все, что я смог из него вытянуть, это то, что он родился на Юго-Западе в 1891, почти всю жизнь прожил в Мексике; в 1900 его семью вместе с тысячами других индейцев Соноры мексиканские власти выселили в Центральную Мексику; в общей сложности в Центральной и Южной Мексике он прожил до 1940. Таким образом, поскольку он много путешествовал, его знания, возможно, были продуктом многих влияний. И хотя сам он себя считал яки из Соноры, я сомневаюсь, укладываются ли его познания в круг традиционных представлений сонорских индейцев. Впрочем, здесь я не собираюсь заниматься определением истоков его культуры.

Мое ученичество у дон Хуана началось в июне 1961. До сих пор, как бы ни проходили наши встречи, я неизменно воспринимал его с позиции наблюдателя-антрополога. Во время этих первых бесед я тайне делал заметки, чтобы потом с их помощью восстановить по памяти весь разговор. Но когда началось обучение, этот метод оказался малопродуктивным, поскольку разговор всякий раз касался слишком многих вещей, обычно самых неожиданных. Со временем, после упорных протестов, дон Хуан все же разрешил мне вести записи в открытую. Я хотел вообще все, что можно, фотографировать и записывать на диктофон, но тут он был тверд, и мне пришлось отступить.

Вначале ученичество проходило в Аризоне, а потом, когда дон Хуан перебрался в Мексику, — у него в Соноре. Распорядок встреч устанавливался сам собой — я попросту приезжал на несколько дней при каждом удобном случае. Летом 1963 и 1964 гг. мои посещения были особенно частыми и продолжительными. Теперь я вынужден признать, что такой режим был малоэффективным, поскольку уводил меня из-под безраздельного контроля со стороны учителя, а ведь в магии это главное условие успеха. С другой стороны, я думаю, в этом было определенное преимущество, поскольку я оставался сравнительно свободным, а это, в свою очередь, стимулировало критичность оценки, что

было бы невозможно в случае безусловно-го и всепоглощающего подчинения. В сентябре 1965 г. от дальнейшего обучения я отказался.

Спустя несколько месяцев я вернулся к своим записям и оказался перед проблемой, как их упорядочить и свести в какое-то связанное целое. Поскольку собранный материал был почти необозрим и перегружен всяким хламом, я для начала попытался выработать какую-то систему классификации. Я разделил материал по темам и расположил по иерархии субъективной значимости, а именно по степени воздействия лично на меня. Постепенно вырисовалась следующая структура: использование галлюциногенных растений; используемые в магии рецепты и процедуры; приобретение «предметов силы» и обращение с ними; использование лекарственных растений; песни и легенды (фольклор).

Однако общий критический обзор зафиксированного мной опыта привел меня к выводу, что всякие попытки классификации не дают ничего, кроме изобретения новых категорий, поэтому любые усилия рационализировать эту схему закончатся лишь еще более доморощенным изобретательством. Мне это было совершенно ни к чему. Попытка уяснить все, что я испытал, означала необходимость осмыслить стройную систему подтвержденных опытом конкретных представлений. Уже после первой пейотной церемонии («сессии»), в которой я принимал участие, для меня стало очевидным, что в учении дона Хуана есть внутренняя логика. Решившись однажды меня обучать, он затем передавал мне свои знания в неукоснительном порядке, в строгой последовательности. Именно этот порядок был для меня непостижим.

Этим, по-моему, объясняется то, что даже через четыре года обучения я все еще оставался начинающим. Я понимал только, что знания дона Хуана и его методы передачи этих знаний были те же, что у его «бенефактора», поэтому и трудности в моем понимании учения были, по всей вероятности, аналогичны тем, с которыми в свое время столкнулся дон Хуан. Он сам

отметил однажды наше сходство в качестве начинающих и несколько раз проронил, что тоже был не в состоянии понять своего учителя. Поэтому я пришел к выводу, что для любого начинающего, будь он индеец или кто угодно, магическое знание представляется непостижимым из-за необычайного характера испытываемых явлений. Лично для меня, как для человека западной культуры, они были столь ошеломляющими, что истолковать их в привычных терминах повседневной жизни было заведомо невозможно, и это означало, что обреченной будет также любая попытка их классификации.

Так для меня стало очевидным, что знание дона Хуана имеет смысл рассматривать лишь с его собственной точки зрения; лишь в этом случае оно будет достоверным и убедительным. В попытках согласовать наши представления я пришел к выводу, что всякий раз, пытаясь разъяснить мне свое знание, он с необходимостью использовал собственные понятия. Поскольку для меня эти понятия и концепции были изначально чуждыми, усилия увидеть его мир его глазами ставили меня в нелепое положение. Поэтому первой задачей было определить его систему концептуализации. Работая в этом направлении, я заметил, что сам дон Хуан особую роль отводил использованию галлюциногенных растений. Именно это я положил в основание собственной систематизации магического опыта.

Дон Хуан использовал три вида галлюциногенных растений, каждый в отдельности и в зависимости от обстоятельств: пейот (*lophophora williamsii*), дурман (*datura inoxia* или *d. meteloides*) и гриб (по всей вероятности, *psilocybe mexicana*). Галлюциногенные свойства этих растений были известны индейцам задолго до появления европейцев. У индейцев они находят, сообразно свойствам, различное применение: их используют при лечении, при колдовстве, для достижения экстатических состояний или, скажем, просто ради удовольствия. В контексте же учения дона Хуана употребление дурмана и гриба связывается с приобретением особой си-

лы, мудрости или, иначе говоря, знания того, как «правильно» жить.

Для дона Хуана ценность растений определяется их способностью вызывать поток необычного восприятия. С их помощью он вводил меня в переживание этого потока с целью раскрытия мира магии, удостоверения его реальности и адекватной оценки. Я назвал этот поток переживаний «состоянием необычной реальности», т. е. такой реальности, которая отличается от повседневной. Их различие определяется самой природой этих состояний, которые в контексте учения дона Хуана расцениваются как совершенно реальные, хотя их реальность крайне далека от обычной.

Дон Хуан считал, что переживание необычной реальности — единственный способ практического освоения магии и приобретения силы*. По его убеждению, именно этой главной цели подчинены все прочие компоненты учения. Этим, казалось, определялось его отношение ко всему, что не было с нею непосредственно связано. В моих записях полно его замечаний по самому разному поводу. К примеру, как-то он заметил, что некоторые предметы несут в себе определенное количество «силы». Сам он не испытывал к предметам силы особого почтения, но сказал, что к их помощи нередко прибегают слабые *брухо*. Я то и дело выпрашивал его о таких вещах, но его они, казалось, совершенно не интересовали. Однако на этот раз он неожиданно заговорил.

— Существуют определенные предметы, которые наделены *силой*, — сказал он. — Таких предметов, которыми с помощью дружественных духов пользуются маги, множество. Эти предметы — орудия, и не просто орудия, а орудия смерти. И все же это только орудия. У них нет силы учить. Строго говоря, они относятся к разряду предметов войны и предназначены для нанесения удара. Они созданы для того, чтобы убивать.

* Здесь и в дальнейшем следует иметь в виду параллельные значения английского «power» («сила»): это также «энергия», «могущество», «власть». — *Прим. перев.*

— Что это за предметы, дон Хуан?

— Это не обычные предметы, скорее, это — разновидности *силы*.

— Как можно получить эти разновидности силы?

— Все зависит от того, какого рода предмет тебе нужен.

— А какие существуют?

— Я уже сказал — множество. *Предметом силы* может быть что угодно.

— Какие же тогда имеют наибольшую силу?

— Сила предмета зависит от его владельца, от того, какого сорта человеком он является. *Предмет силы*, которым пользуется слабый *брухо*, — почти шутка; и наоборот, орудия сильного *брухо* получают от него свою силу.

— Какие *предметы силы* наиболее обычны? Что из них предпочитает большинство *брухо*?

— Тут не может быть «предпочтения». Все они *предметы силы*, все до единого.

— Есть ли у тебя самого какие-нибудь, дон Хуан?

Он не ответил, только взглянул на меня и рассмеялся. Потом надолго замолчал, и я подумал, что мои вопросы раздражают его.

— Для этих разновидностей *силы* существуют ограничения, — продолжал он. — Но этот момент, я уверен, непонятен для тебя. У меня самого чуть ли не вся жизнь ушла на то, чтобы понять, что один «союзник»** стоит всех *предметов силы* с их

** «Ally» (англ.) — «союзник». Это слово первым переводчиком К. Кастанеды для «Самиздата» было ошибочно транскрибировано как «олли», тогда как на самом деле оно звучит как «элай». Эта очаровательная ошибка стала привычным определением этих «сущностей» для всех ценителей Кастанеды, знакомых с ним по «Самиздату», и мы во втором издании хотели вернуть это слово на страницы данного собрания. Но потом рассудили, что читателей нашего первого издания как минимум на порядок больше, кроме того, это слово внесет полную сумятицу в умы читателей девятого тома, где разделить неорганические существа — «союзников» и энергетические сущности — «олли» и вовсе уж не представляется возможным. — *Прим. ред.*

детскими тайнами. Такие штуки я имел, когда был мальчишкой.

— Что они из себя представляли?

— «Маис-пинто», кристаллы и перья.

— Что такое «маис-пинто», дон Хуан?

— Это росток маиса с красной прожилкой посередине.

— Всего лишь один росток?

— Нет, у *брухо* их сорок восемь.

— Как они действуют, дон Хуан?

— Каждый может убить человека, войдя в его тело.

— Как росток попадает в тело человека?

— Это *предмет силы*, и его сила заключается, помимо всего прочего, в том, что он входит в тело.

— И что тогда?

— Росток проникает в тело, а потом оседает в груди или в кишках. Человек заболевает и, если только *брухо*, который взялся его лечить, не окажется сильнее его врага, — через три месяца умрет.

— А можно его как-нибудь вылечить?

— Единственный способ — высосать росток, но немногие *брухо* отважатся на это. Конечно, *брухо* может в конце концов высосать росток, но, если у него не хватит силы его извергнуть, тот убьет его самого.

— Но каким вообще образом росток умудряется проникнуть в тело?

— Ты не поймешь этого, если не знаешь колдовства с маисом, которое является одним из самых сильных, какие я знаю. Оно делается при помощи двух ростков. Сначала росток прячут в бутоне только что срезанного желтого цветка, затем, чтобы он вошел в контакт с врагом, нужно спрятать его где-нибудь, где тот обычно бывает, — скажем, на тропинке, где он ходит каждый день. Как только жертва наступит на бутон или как-нибудь его коснется — колдовство совершилось. Росток погружается в тело.

— А что с этим ростком потом происходит?

— Вся его сила уходит в человека, и росток свободен. Теперь это совсем другой росток. Он может остаться там же, где произошло колдовство, или попасть куда угодно, — это уже не имеет значения. Луч-

ше замести его под кусты, где его склюет какая-нибудь птица.

— А может птица склевать росток прежде, чем его коснется человек?

— Таких глупых птиц нет, уверяю тебя. Птицы держатся от него подальше.

Затем дон Хуан описал довольно сложную процедуру, посредством которой такие ростки силы могут быть получены.

— Запомни одно: «маис-пинто» — это всего лишь орудие, это не *союзник*, — сказал он. — Стоит тебе понять эту разницу — и твои проблемы исчезнут. Но если ты думаешь, что с помощью этих штуковин можно достичь мастерства, то ты просто дурак.

— Что, *союзник* такой же сильный, как *предметы силы*?

Он презрительно фыркнул. Я видел, что испытываю его терпение.

— «Маис-пинто», кристаллы, перья — все это игрушки по сравнению с *союзником*, — сказал он. — Они нужны лишь тогда, когда нет *союзника*. Искать их — пустая трата времени, особенно для тебя. Что для тебя действительно необходимо — это постараться получить *союзника*. Если тебе это удастся, ты поймешь то, о чем я сейчас говорю. *Предметы силы* — это детские забавы.

— Пойми меня правильно, дон Хуан, — запротестовал я. — Конечно, я хочу иметь *союзника*, но я также хочу узнать все, что смогу. Ты ведь сам говорил, что знание — это сила.

— Нет, — сказал он с чувством. — *Сила* зависит лишь от того, какого рода знанием ты владеешь. Какой смысл в знании вещей, которые бесполезны?

В системе верований дон Хуан процесс приобретения «союзника» основывался главным образом на использовании состояний необычной реальности, которые он во мне вызывал с помощью галлюциногенных растений. Он считал, что, фокусируя внимание на этих состояниях с учетом прочих аспектов знания, которому он меня учил, я приду к адекватному восприятию магической реальности.

Книга, таким образом, содержит наиболее важные фрагменты моих полевых

записей, где речь идет об испытываемых мною в процессе обучения состояниях необычной реальности. Порядок подачи фрагментов не всегда хронологический, поскольку я следовал логике разворачивания учения. Я никогда не записывал свои впечатления прежде, чем они улягутся и я смогу осмыслить их сравнительно беспристрастно. Однако комментарии дон Хуана к испытанному мною в очередной раз я записывал немедленно, поэтому подчас они опережают описание самого опыта.

Мои полевые записи представляют субъективную интерпретацию того, что я испытывал непосредственно во время опыта. Эта интерпретация воспроизводится здесь в точном соответствии с моим изложением испытанного дону Хуану, который требовал исчерпывающего и точного воспроизведения каждой детали и подробнейшего пересказа каждого переживания.

Для полноты картины я добавлял некоторые бытовые детали, и, кроме того, записи включают также мои попытки анализа мировоззрения дон Хуана.

Чтобы избежать повторений, я упростил наши диалоги и убрал все второстепенное. Однако, чтобы передать все же общую атмосферу, мои правки коснулись лишь тех диалогов, в которых не содержалось ничего нового, что способствовало бы моему постижению этого пути. Информация от дон Хуана обычно была как бы случайной, и подчас малейшее его замечание вызывало целую лавину расспросов, которые длились часами. С другой стороны, было множество случаев, когда он все рассказывал сам.

Глава 1

Мои заметки о встречах с доном Хуаном начинаются с 23 июня 1961 года. С этого дня началось мое обучение. До этого я встречался с ним лишь в качестве наблюдателя. При всяком удобном случае

я просил рассказать мне, что он знает о пейоте. Каждый раз это кончалось ничем, и все же, судя по его колебаниям, какая-то надежда оставалась.

И вот на этот раз он дал понять, что может снизойти к моим просьбам — при условии, что я обрету ясность мышления и буду точно знать, о чем прошу. Это условие было для меня непонятным, поскольку моя просьба относительно пейота была, в сущности, предложением установить с ним более тесный контакт. Я рассчитывал, что моя ссыла на его собственные знания вызовет его на большую откровенность — и я, таким образом, смогу без особых препятствий узнать все, что он вообще знает о растениях. Однако он истолковал мою просьбу буквально, а именно — как желание получить знания о пейоте.

Пятница, 23 июня 1961

— Ты научишь меня тому, что знаешь о пейоте, дон Хуан?

— Почему ты этого хочешь?

— Просто хотелось бы узнать об этом побольше. Разве сама по себе тяга к познанию — не недостаточная причина?

— Нет! Ты должен спросить в самом своем сердце, чего ради тебе, зеленому юнцу, вздумалось связываться со столь серьезными вещами.

— А сам ты чего ради этому учился?

— Ты почему об этом спрашиваешь?

— А может, у меня такая же причина.

— Сомневаюсь! Я — индеец. У нас разные пути.

— Если серьезно, моя причина — просто сильное желание этому учиться, просто я хочу знать, чтобы знать. Но у меня нет плохих намерений, честное слово.

— Верю. Я *курю* тебя.

— Что?..

— Неважно. Мне известны твои намерения.

— Ты что, хочешь сказать, что видел меня насквозь?

— Назови как угодно.

— Так, может, ты все-таки будешь меня учить?

— Нет!

— Потому что я не индеец?

— Нет. Потому, что ты не знаешь своего сердца. Что по-настоящему важно — это чтобы ты точно знал, почему тебе так сильно этого хочется. Учение о *Мескалит* — вещь крайне серьезная. Будь ты индейцем — одного твоего желания в самом деле было бы достаточно. Но лишь у очень немногих индейцев может появиться такое желание.

Воскресенье, 25 июня 1961

В пятницу я весь день был у дона Хуана. Я рассчитывал уехать часов в семь вечера. Мы сидели у него на веранде, и я решил еще раз спросить насчет обучения. Затея казалась безнадежной, и я заранее смирился с отказом. На этот раз я спросил его — может быть, существует способ, при котором мое желание выглядело бы так, как если бы я был индейцем. Он долго молчал, а я все ждал ответа, поскольку, казалось, он что-то мысленно взвешивает.

Наконец он сказал, что способ есть, и начал обрисовывать проблему. Прежде всего он обратил внимание на тот факт, что я очень устаю, сидя на полу, и для начала мне следует найти на полу «пятно», как он выразился, где я мог бы сидеть без усталости сколько угодно.

До этого я сидел, обхватив руками щиколотки и прижав колени к подбородку. Едва он сказал это, как я почувствовал, что совершенно выдохся и спину у меня ломит от усталости.

Я ожидал объяснений, что это за «пятно», но он и не думал ничего объяснять. Я решил, что, может быть, он имеет в виду, что мне надо пересесть, поэтому поднялся и сел к нему поближе. Он запротестовал и ясно подчеркнул, что «пятно» — это место, где ты чувствуешь себя самым собой — сильным и счастливым. Он похлопал рукой по тому месту на веранде, где сидел, и сказал, что вот, к примеру, его собственное место; затем добавил, что эту задачу я должен решить самостоятельно, причем не откладывая.

Для меня такая задача была попросту загадкой. Я понятия не имел, с чего на-

чать, да и вообще — что именно делать. Несколько раз я просил дать мне какой-нибудь ключ или хотя бы подсказку насчет того, как приступить к поискам этого самого места, где я буду чувствовать себя сильным и счастливым. Я стоял на своем и доказывал, что совершенно не представляю себе, что же имеется в виду и как вообще подойти к решению этой задачи. Он предложил мне походить по веранде, — возможно, я все же сумею найти «пятно».

Я встал и начал ходить взад-вперед; наконец почувствовал, до чего это глупо, и сел перед ним.

Он, казалось, был очень недоволен мной и обвинил меня в том, что я ничего не желаю слушать и вообще, похоже, не собираюсь учиться. Потом успокоился и вновь начал втолковывать, что отнюдь не на каждом месте можно сидеть или вообще там находиться и что в пределах веранды есть одно уникальное место — «пятно», на котором мне будет лучше всего. Моя задача — найти его среди всех остальных. Если угодно, это можно понимать так, что я должен «почувствовать» это «пятно» среди всех остальных мест, без всяких сомнений определить именно то место, которое мне подходит.

Я возразил, что, хотя веранда и не очень велика (два с половиной метра на четыре), пятен на ней множество и понадобится уйма времени, чтобы проверить каждое; а кроме того, если учесть, что он не указал мне размеров пятна, их количество вообще возрастает до бесконечности. Но спорить было бесполезно. Он встал и очень жестко предупредил, что на поиски у меня может уйти хоть неделя, и если это меня не устраивает, то я могу уезжать хоть сейчас, — говорить больше не о чем. Он подчеркнул, что самому-то ему отлично известно, где мое пятно, поэтому я не смогу его обмануть. Это единственный способ, сказал дон Хуан, засчитать в качестве достаточной причины одно лишь мое желание учиться знанию о *Мескалит*. В его мире, добавил он напоследок, ничто не дается даром, а уж знание — и подавно.

Он пошел в кусты за домом помочиться, а потом оттуда вернулся прямо в дом.

Я подумал, что задание найти это самое «пятно счастья» — попросту предлог, чтобы от меня отделаться, но все же встал и вновь принялся выхаживать по веранде. Небо было безоблачным, и на веранде и вокруг было хорошо видно. Рассказывал я, должно быть, примерно час или больше, но не произошло ничего такого, что указало бы на местонахождение пятна. Я устал и сел на пол; через несколько минут пересел на другое место, пока с помощью такой, с позволения сказать, системы не проверил всю веранду. Я честно старался «почувствовать» между местами разницу, но ее критерий был для меня непостижим. Я чувствовал только, до чего это безнадёжно, и все же не уходил. В конце концов не для того я за тридцать земель сюда тащился, чтобы уехать ни с чем.

Я лег на спину и заложил руки за голову. Затем перевернулся и немного полежал на животе. Такой маневр я повторил по всему полу. Впервые, похоже, я наткнулся хоть на какой-то критерий. Лежать на спине было теплее. Я снова начал кататься по полу, теперь в обратную сторону, и снова проверил весь пол, на этот раз укладываясь ничком там, где прежде ложился навзничь. Ощущения тепла или холода были неизменными — в зависимости от моего положения, но разницы между местами не было.

Тут меня осенило: место дон Хуана! Я сел на его место, потом лег, сначала на живот, потом на спину, но и здесь не было ровно ничего примечательного. Я встал; я был сыт по горло. Нужно попрощаться с доном Хуаном, подумал я, только не хотелось его будить. Я взглянул на часы. Два часа ночи! Я прокатался по полу шесть часов.

В этот момент на веранду вышел дон Хуан и снова направился вокруг дома в кусты. Потом вернулся и остановился в двери. Я чувствовал отчаяние, мне хотелось сказать ему напоследок что-нибудь оскорбительное и уехать. Но тут я подумал, что это ведь не его вина; в конце концов, я сам напросился на эту комедию. Я сказал — сдаюсь; я как идиот каталась всю ночь по полу и все еще не вижу никакого смысла в его загадке.

Он рассмеялся и сказал, что ничего удивительного, ведь я не пользовался глазами. И в самом деле, этого я не сообразил, поскольку сразу понял с его слов так, что разницу нужно «почувствовать». Я начал было опять спорить, но он меня прервал, заявив, что глазами тоже можно чувствовать, — если не смотреть на вещи в упор. Если уж я за это взялся, то, может быть, стоит попробовать то, что у меня осталось, — мои глаза.

Он закрыл за собой дверь. Я был уверен, что все это время он исподтишка наблюдал за мной, — потому что как иначе он мог знать, что я не пользовался глазами.

Я снова начал кататься по полу, поскольку это было проще всего. Теперь, однако, лежа на животе, я клал на руки подбородок и всматривался в каждую деталь.

Немного погодя темнота вокруг изменилась. Стоило мне уставиться прямо перед собой, как вся периферия поля зрения приобретала яркий однородный зеленовато-желтый цвет. Эффект был поразительным. По-прежнему уставаясь перед собой и стараясь не сбить фокус, я пополз боком, передвигаясь каждый раз на фут.

Вдруг в точке примерно посередине веранды я заметил смену оттенка. Справа на периферии поля зрения зеленовато-желтоватый цвет превратился в ярко-пурпурный. Я сконцентрировал на нем внимание. Пурпурный цвет посветлел, не убывая в яркости, и таким и оставался, пока я удерживал его боковым зрением.

Я накрыл это место курткой и позвал дон Хуана. Он вышел на веранду. Внутренне я торжествовал: я в самом деле видел смену оттенков. На него это, однако, не произвело особого впечатления, но он предложил мне сесть на это место и описать свои ощущения.

Я сел на пол; потом лег на спину. Он стоял рядом и то и дело спрашивал, как я себя чувствую; но я не чувствовал в себе каких-то изменений. Минут пятнадцать я старался почувствовать или увидеть, что ли, какую-то разницу, а рядом терпеливо ждал дон Хуан. Наконец я почувствовал, до чего мне все это опротивело. Во рту появился металлический привкус. Нежи-

данно разболелась голова. Похоже было, я вот-вот заболею. Мысль о бесплодности любых моих усилий привела меня в ярость.

Дон Хуан, должно быть, заметил, как я расстроен. На этот раз он был очень серьезен и внушительным тоном сказал, что если я в самом деле хочу учиться, то мне придется в отношении самого себя быть непреклонным. Для тебя, сказал он, существует лишь один выбор: либо сдаться и уехать, распрощавшись со своей мечтой, либо разгадать загадку.

Он скрылся за дверью. Я хотел уехать немедленно, но слишком устал. К тому же смена оттенков была столь очевидной, что здесь попросту не мог не скрываться какой-то критерий, а кроме того, не исключено ведь, что существуют еще какие-то признаки. Да и уезжать сейчас было уже поздно. Я сел, вытянул ноги и начал все сначала.

На этот раз, миновав пятно дона Хуана, я быстро добрался с места на место до конца пола, затем развернулся, чтобы захватить внешний край веранды. Дойдя до центра, я зафиксировал еще одно изменение в окраске, опять на периферии поля зрения. Разлитый повсюду однородный зеленовато-желтый цвет в одном месте, справа от меня, превратился в яркий серо-зеленый. Какое-то время этот оттенок держался, затем вдруг перешел в новый, не тот, который был раньше. Я снял ботинок, отметил эту точку и вновь начал кататься, пока не покрыл пол во всех возможных направлениях. Больше никаких изменений в оттенках не было.

Я вернулся к точке, отмеченной ботинком, и тщательно ее осмотрел. Она находилась в шести футах на юго-восток от той, что была отмечена курткой. Рядом лежал валун. Я присел на него передохнуть, пытаюсь найти ключ и всматриваясь в каждую деталь, но по-прежнему не чувствовал никакой разницы.

Я решил попробовать с первой точкой. Опустившись на колени, я собрался уже лечь на куртку, когда вдруг почувствовал что-то совершенно необычное. Более всего это напоминало физическое ощу-

щение, как будто что-то буквально давит на мой желудок. Я моментально отскочил. Волосы на затылке встали дыбом. Ноги согнулись, туловище наклонилось, а руки со скрюченными, как когти, пальцами были выброшены вперед на уровне груди. Я поймал себя на этой странной позе и еще больше испугался.

Я невольно попятился и, наткнувшись на валун, сполз на пол рядом с ботинком. Я пытался сообразить, что же меня так напугало. Может быть, я перестарался и слишком устал. Уже давно рассвело. Я чувствовал, что мои мысли путаются и что я совершенно разбит. Но это еще не объясняло мой внезапный страх; кроме того, я по-прежнему не мог понять, чего, в конце концов, хочет от меня дон Хуан.

Я решил сделать последнюю попытку. Я поднялся и медленно приблизился к месту, отмеченному курткой, и вновь почувствовал невыносимое давление в области желудка. На этот раз я решил ни за что не отступать. Я уселся, потом встал на колени, чтобы лечь на живот, но никак не мог этого сделать, несмотря на отчаянные усилия. Я уперся ладонями перед собой в пол веранды. Дыхание участилось, желудок забунтовал. Меня охватила неодолимая паника, я изо всех сил боролся с желанием ударить. Тут я вспомнил, что дон Хуан, наверное, за мной наблюдает. Я медленно отполз к ботинку и прислонился спиной к валуну. Я хотел передохнуть и собраться с мыслями, но заснул.

Я услышал над собой голос и смех дона Хуана и проснулся.

— Ты нашел его, — говорил он.

Я понял не сразу, и он еще раз повторил, что мое «пятно» — и есть то самое место, где я заснул. Он опять спросил, как я себя на нем чувствую. Я ответил, что не замечаю никакой разницы.

Он предложил мне сравнить свои нынешние ощущения с тем, что я испытывал на первом «пятне». Впервые до меня дошло, что я, пожалуй, не смогу объяснить все свои ощущения этой ночи. Он с вызовом приказал мне сесть на «пурпурное пятно». Но это место по какой-то необъяснимой причине наводило на меня страх,

и я решительно отказался. Он заключил, что только дурак не увидит разницы.

Я спросил, имеются ли у этих двух пятен названия. Хорошее пятно, сказал он, называется «sitio»*, а плохое — «врагом». Эти два пятна — ключ к самочувствию человека, в особенности того, кто ищет знание. Просто сидеть на «своем» месте — значит уже накапливать силу; и наоборот, «враг» ослабляет человека и может даже быть причиной его смерти. Он сказал, что всю свою энергию, которую я столь щедро растратил за ночь, я восполнил только тем, что задремал на собственном месте.

Еще он сказал, что разные цвета, которые я видел на разных пятнах, обладают таким же неизменным эффектом, умножая или отбирая силу.

Я спросил, нет ли еще каких-нибудь касающихся меня пятен и как их разыскать. Он ответил, что мест, сходных с этим, в мире множество, и находить их проще всего по соответствующим цветам.

Для меня все-таки осталось неясным, решил ли я в конце концов эту проблему, и вообще — существовала ли она на самом деле. Я был уверен, что дон Хуан всю ночь за мной подсматривал, а потом решил меня подбодрить и свел все к шутке, объяснив, что я, мол, уснул как раз где надо. И все же это было как-то малоубедительно, а когда он потребовал для пробы сесть на другое пятно, я ни за что не мог себя заставить это сделать. Существовало странное несоответствие между моими логическими выкладками и несомненным опытом страха перед этим другим пятном.

Дон Хуан, в свою очередь, был совершенно убежден в моем успехе и, выполняя уговор, заявил, что теперь будет учить меня тому, что знает о пейоте.

— Ты просил меня научить тебя тому, что я знаю о *Мескалито*, — сказал он. — Я хотел проверить, устоишь ли ты, когда встретишься с ним лицом к лицу. *Мескалито* — дело более чем серьезное. Тебе придется взвесить и призвать все свои силы. Теперь я вправе засчитать од-

но лишь твое желание учиться в качестве достаточной причины, чтобы взять тебя в ученики.

— Ты в самом деле будешь учить меня тому, что знаешь о пейоте?

— Я зову его *Мескалито* и тебе советую называть его так.

— Когда мы приступим?

— Угомонись. Сначала ты должен быть готов.

— А я готов!

— Шутки свои оставь при себе. Тебе придется подождать, пока у тебя не останется сомнений, и тогда ты с ним, может быть, встретишься.

— Мне что, нужно подготовиться?

— Нет. Просто ждать. Ты еще вполне можешь передумать. Ты быстро устаешь. Этой ночью ты готов был все бросить, едва лишь столкнулся с первыми трудностями. *Мескалито* требует несравненно большей твердости.

Глава 2

Понедельник, 7 августа 1961

Я прибыл в дом дона Хуана в Аризоне в пятницу, часам к семи вечера. С ним на веранде сидело еще пятеро индейцев. Я поздоровался с доном Хуаном и в ожидании сел. После продолжительной паузы один из них встал, подошел ко мне и сказал по-испански: «Buenas noches»**. Я тоже встал и сказал: «Buenas noches». Потом все они по очереди повторили церемонию, пробормотав «Buenas noches», и обменялись со мной рукопожатием, точнее, просто касались своими пальцами моих, тотчас отдергивая руку.

Мы опять уселись. Казалось, они просто стесняются, точно не знают, что сказать, хотя все говорили по-испански.

Было, наверное, около половины восьмого, когда вдруг все встали и, по-преж-

* «Местность», «место» (исп.).

** «Добрый вечер» (исп.).

нему не произнося ни звука, направились за дом. Дон Хуан сделал знак следовать за ним, и мы забрались в стоявший за домом старенький грузовик-пикап. Я сел сзади с доном Хуаном и двумя индейцами помолоче. Никаких сидений или скамеек не было, и пришлось усестись прямо на металлический пол, который казался ужасно твердым, особенно когда машина свернула с шоссе на грунтовую дорогу. Дон Хуан сказал мне на ухо, что мы едем к одному из его друзей, у которого имеется для меня семь *Мескалито*.

— А у тебя самого разве нет, дон Хуан? — спросил я.

— Есть. Но не для тебя. Видишь ли, свести тебя с *Мескалито* должен кто-то другой.

— Можно узнать почему?

— Может быть, ты ему не понравишься и он тебя отвергнет, тогда ты никогда не сможешь познакомиться с ним как следует и полюбить его, и, значит, придет конец нашей дружбе.

— Почему я могу ему не понравиться? Я же ему ничего не сделал.

— А вовсе не обязательно что-нибудь «делать», чтобы понравиться или не понравиться. Он либо принимает тебя, либо сметает прочь.

— Но если я ему, положим, не понравлюсь, так, может, я могу сделать что-нибудь, чтобы понравиться?

Двое индейцев, очевидно, услышали мой вопрос и засмеялись.

— Нет! — сказал дон Хуан. — Тогда уже никто ничего не сможет сделать.

Он отвернулся и, казалось, забыл обо мне.

Мы добирались, наверное, не меньше часа, пока наконец не остановились у небольшого дома. Уже совсем стемнело, и когда водитель выключил фары, я смог различить лишь смутный контур постройки.

Молодая женщина, — судя по акценту, мексиканка, — пыталась успокоить без конца лаявшую собаку. Мы вылезли из машины и подошли к дому. Мужчины вполголоса поздоровались с мексиканкой

и вошли внутрь дома, а она все пыталась криком унять собаку.

Комната была просторная, но забитая всяческой рухлядью. Маленькая тусклая лампочка едва рассеивала полумрак. У стены стояло несколько стульев со сломанными ножками и продавленными сиденьями. Трое индейцев уселись на красный диван, продавленный почти до самого пола, старый и грязный, который, однако, среди прочего хлама выглядел наиболее респектабельно. Остальным достались стулья. Долгое время все сидели молча.

Вдруг один из мужчин встал и вышел в соседнюю комнату. Это был индеец лет пятидесяти, высокий и смуглый. Через минуту он вернулся с жестянкой из-под кофе. Он снял крышку и вручил банку мне. В ней было семь каких-то странных предметов, разных по форме и размеру — одни почти круглые, другие продолговатые. На ощупь они напоминали ядро ореха или поверхность пробки, на вид — темную ореховую скорлупу. Довольно долго я вертел их в руках, потирая и поглаживая.

— Это жуют, — сказал дон Хуан вполголоса.

До этого я не замечал, что он сидит рядом. Я взглянул на остальных, но никто не смотрел в мою сторону, они о чем-то очень тихо переговаривались. Тут меня охватила тревога и сильный страх. Я почти потерял над собой контроль.

— Мне нужно выйти в туалет, — сказал я дону Хуану. — Я немного пройдуся.

Он протянул мне банку, и я положил батончики* пейота обратно. Я направился к двери, когда мужчина, вручивший мне банку, встал, подошел ко мне и сказал, что туалет в соседней комнате.

Дверь туалета оказалась почти напротив. Рядом, вплотную к двери, стояла большая кровать, занимавшая едва ли не всю комнату. На ней спала молодая мексиканка. Я постоял у двери, а потом вернулся.

Хозяин дома обратился ко мне по-английски:

* «Buttons» (англ.) — здесь: маленькие высушенные кактусы.

— Дон Хуан говорит, что ты из Южной Америки. Знают ли у вас там *Мескалито*?

— Нет, — сказал я, — такого я что-то не слышал.

Их вроде заинтересовала тема Южной Америки, и мы немного поговорили об индейцах. Потом один из них спросил, зачем я собираюсь есть пейот. Я ответил — хотелось бы узнать, что это такое. Они сдержанно засмеялись.

Дон Хуан мягко подтолкнул меня: «Давай жуй, жуй».

Ладони у меня вспотели, желудок светлел. Банка с батончиками пейота стояла на полу возле стула. Я нагнулся, взял первый попавшийся и положил в рот. Привкус был затхлый. Я откусил половину и принялся жевать. Рот наполнился сильной вяжущей горечью и моментально онемел. По мере того как я жевал, горечь усиливалась, вызывая неприятное обилие слюны. Ощущение в деснах и нёбе было такое, точно я ем солонину или воблу, от чего жевать приходилось еще усердней. Потом я сжевал вторую половину, и рот настолько онемел, что я уже не чувствовал горечи. То, что я жевал, было теперь комком волокон, вроде сахарного тростника или пережеванных долек апельсина, и я не знал, проглотить их или выплюнуть. В эту минуту хозяин встал и пригласил всех на веранду.

Мы вышли и расселись на темной веранде. Сидеть здесь было очень удобно, и хозяин принес бутылку текилы.

Мужчины сидели в ряд, прислонившись к стене. Я сидел крайним справа. Дон Хуан, сидевший рядом, поставил банку с пейотом у моих ног. Потом он вручил мне бутылку, которую пустили по кругу, и велел отхлебнуть немного, чтобы смыть горечь.

Я выплюнул то, что осталось от первого батончика, и отхлебнул. Он приказал не глотать, а только прополоскать рот текилей, чтобы остановить слюну. Со слюной это мало помогло, но хоть убавило горечь.

Дон Хуан дал мне сушеный абрикос или смокву — в темноте я не разобрал, что именно, как, впрочем, и самого вкуса, — и велел жевать не спеша и как можно тща-

тельно. Проглотить то, что я жевал, было заведомо невозможно — я был уверен, что оно сразу застрянет в пищеводе.

Немного погодя бутылка вновь пошла по кругу. Дон Хуан сунул мне кусок жесткого вяленого мяса. Я сказал, что не хочу есть.

— Это не еда, — веско произнес он.

Процедура повторялась шесть раз. Я помню, что сжевал уже шестой батончик, когда разговор стал очень оживленным. Хотя я не мог понять, на каком языке говорят, но тема разговора, в котором участвовали все сидевшие на веранде, была чрезвычайно интересной, и я старался не пропустить ни слова, чтобы при случае и самому что-нибудь вставить. Но когда я попытался что-то сказать, то обнаружил, что это невозможно; слова бессвязно кружились у меня в голове.

Я сидел, прислонившись к стене, и слушал, что говорят мужчины. Они говорили по-итальянски, и без конца повторялась фраза о том, до чего глупы акулы. Как-то я говорил дону Хуану, что первые попавшие в Америку испанцы называли реку Колорадо в Аризоне — «El río de los tizones» (река головешек), а потом кто-то переврал «tizones» и получилось «El río de los tiburones» (река акул). Я был уверен, что именно эту историю обсуждают сейчас, и мне и в голову не приходило, что никто из присутствующих не может знать итальянского.

У меня начались сильные позывы к рвоте, но не помню, рвало ли меня на самом деле. Я попросил кого-нибудь принести воды; меня мучила невыносимая жажда. Дон Хуан принес и поставил у стены большую кастрюлю, а с ней — сделанную из жестянки маленькую кружку. Он зачерпнул из кастрюли, протянул мне кружку и сказал, чтобы я не пил, а только прополоскал рот.

Вода выглядела странно — она была сверкающей и глянцевой, как глазурь. Я хотел спросить дону Хуана, что бы это значило, и собрался с силами, чтобы говорить свои слова по-английски, но тут вспомнил, что он не знает английского. Я испытал настоящий шок, а затем

окончательно понял, что, хотя мысли у меня абсолютно ясные, говорить я не могу. Я хотел рассказать об этом странном превращении с водой, но то, что последовало, не было речью; это было такое ощущение, как будто я не говорю, но мои мысли свободно, как жидкость, выливаются изо рта. Это был приятный поток жидких слов.

Я выпил воды. Чувство тошноты прекратилось. К этому времени исчезли все звуки, и я обнаружил, что мне трудно фокусировать глаза. Я хотел найти дона Хуана и, когда повернул голову, заметил, что поле зрения сократилось до круглого участка перед глазами. Ощущение не было пугающим или неприятным, — напротив, это было что-то новое: я мог буквально, так сказать, сканировать землю, фокусируя глаза на узком участке и затем медленно поворачивая голову в любом направлении. Когда я вышел со всеми на веранду, уже совсем стемнело, виднелось только далекое зарево от городских огней. И все же в поле моего зрения все было прекрасно видно. Я совершенно забыл про дона Хуана, про всех остальных, вообще зачем здесь нахожусь, и с головой ушел в обследование всего, что попадется, своим сужившимся и обострившимся зрением.

Мой взор упал на шов между полом веранды и стеной дома. Следуя взглядом за поверхностью стены, я медленно повернул голову и увидел сидящего у стены дона Хуана. Я сдвинул голову влево, чтобы взглянуть на воду, и увидел дно кастрюли; потом я медленно поднял голову и увидел приближавшегося к воде обычного черного пса. Он приблизился и начал лакать воду. Я поднял руку, чтобы его отогнать: для этого пришлось сфокусировать на нем глаза, и тут я увидел, что он прозрачный. Вода была сверкающей тягучей жидкостью. Я увидел, как она входит в тело собаки по ее горлу; я видел, как вода разливается равномерно по всему телу и затем истекает через каждый волосок. Я видел, как светящаяся жидкость движется по каждому волоску и затем изливается наружу, образуя длинную светящуюся шелковистую гриву.

В этот момент я ощутил сильные судороги, и через пару секунд вокруг меня образовался очень низкий и узкий туннель, твердый и удивительно холодный. На ощупь он был словно из толстой фольги. Я обнаружил, что сижу на полу туннеля. Я попытался встать, но ушибся головой о железный потолок, а туннель стал сжиматься, пока не начал душить меня. Я помню, что полз к круглому отверстию, где кончался туннель; когда я добрался до выхода (если вообще добрался), то уже все забыл — собаку, дона Хуана, себя самого. Я задыхался от усталости; одежда вся была пропитана холодной липкой жидкостью. Я катался взад-вперед, пытаюсь найти положение, в котором можно отдохнуть, в котором хоть не так страшно будет колотиться сердце. При одном из этих движений я вновь увидел собаку.

Я сразу все вспомнил, и в голове прояснилось. Я обернулся, чтобы найти дона Хуана, но не увидел никого и ничего. Видеть я мог только собаку, которая светилась все ярче. Ее тело испускало сияние. Я вновь увидел, как по нему течет вода, озаряя все внутри, как костер. Я добрался до воды, погрузил лицо в кастрюлю и пил вместе с собакой. Руками я упирался в землю перед собой, и когда я пил, я видел, как жидкость течет по моим венам, переливаясь красным, желтым и зеленым. Я пил без конца. Я пил, пока не начал по-лыхать; я весь горел и светился. Я пил, пока жидкость не начала изливаться из моего тела через каждую пору и через каждый волосок, подобно шелковым волокнам, так что теперь я был окружен большим светящимся радужным ореолом. Я взглянул на собаку — у нее был такой же. Все мое тело наполнилось высшей радостью, и мы вдвоем побежали в направлении какого-то желтого тепла, исходившего из какого-то непонятного источника. И там мы с псом стали играть. Мы играли и боролись, пока я не узнал все его желания, а он — все мои. Мы по очереди манипулировали друг другом, как в кукольном театре. Я двигал его ногами, вращая носками своих, и каждый раз, когда он кивал головой, мне неудержимо хотелось

скакать от счастья. Но самый коронный номер был у него, когда он заставлял меня сидя чесать ногой голову, — делал он это, мотнув головой и хлопая ушами. Это был просто верх совершенства, это было что-то невыносимо забавное. Какой штрих грации и иронии, думал я, какое мастерство! Меня охватила неопишуемая эйфория. Я смеялся до тех пор, пока из легких не ушел весь воздух.

У меня было ясное ощущение, что я не могу открыть глаза. Я видел сквозь толщу воды. Это было длительное, очень болезненное и тревожное состояние, будто уже проснулся, но никак не можешь пробудиться окончательно. Затем постепенно мир приобрел ясность и вошел в фокус. Поле зрения вновь стало ясным и широким, и первым пришло обычное сознательное действие — оглянуться и отыскать это чудесное существо. И здесь я испытал самую трудную фазу. Переход от моего нормального состояния прошел почти незаметно: я оставался в сознании, чувства и мысли были критерием этого, и сам переход был гладким и ясным. Но эта вторая фаза — пробуждение к привычному трезвому сознанию — была поистине потрясающей. Я забыл, что я человек! От безнадежности меня охватила такая печаль, что я заплакал.

Суббота, 5 августа 1961

Утром, после завтрака, хозяин дома, дон Хуан и я поехали обратно. Хотя я валился с ног от усталости, но в машине уснуть не мог. Я уснул на веранде у дона Хуана, только когда отъехал пикап.

Когда я проснулся, было темно; дон Хуан накрыл меня одеялом. В доме его не было. Он пришел позже и принес горшок тушеных бобов и стопку лепешек. Я невероятно проголодался. После ужина, когда мы легли отдыхать, он велел рассказать все, что со мной было минувшей ночью. Я пересказал все, что помнил, со всеми подробностями и как можно тщательно. Когда я закончил, он кивнул и сказал:

— Ну что ж, похоже, все в порядке. Сейчас мне это трудно объяснить. Но я думаю,

что у тебя вся обошлось благополучно. Понимаешь, иногда он играет, как ребенок, а бывает попросту ужасен, устрашающ. Он либо резвится, либо предельно серьезен. Невозможно предугадать, каким он будет с тем или иным человеком, — хотя, впрочем, иногда, если хорошо знаешь этого человека, предсказать можно. Этой ночью ты с ним играл. Из всех, кого я знаю, ты единственный, у кого получилась такая встреча.

— Чем же испытанное мною отличается от того, что испытали другие?

— Ты не индеец, поэтому мне трудно тебе растолковать, что к чему; но я знаю точно, что если он не принимает человека, то его отвергает, будь то индеец или кто угодно. Это мне известно. Таких я видел множество. Мне известно также, что он шутник и многих заставляет смеяться, но чтобы он с кем-нибудь играл — такого я еще не видел.

— Не скажешь ли ты мне теперь, каким образом пейот защищает...

Он тут же толкнул меня в плечо:

— Я уже говорил — не смей его так называть. Ты еще недостаточно с ним знаком, чтобы быть с ним фамильярным.

— ...Каким образом *Мескалит* защищает людей?

— Он советует. Он отвечает на любой вопрос.

— Значит *Мескалит* реален? Я имею в виду — он что-то такое, что можно видеть?

Похоже было, что мой вопрос его просто ошарашил. Он растерянно посмотрел на меня, в его взгляде было искреннее недоумение.

— Я хочу сказать, что *Мескалит*...

— Я слышал. Разве ты не видел его прошлой ночью?

Я хотел сказать, что видел только собаку, но меня остановил его озадаченный взгляд.

— Так ты думаешь, то, что я видел прошлой ночью, — это и был он?

В его взгляде отразилось участие, потом он усмехнулся, точно не мог поверить, и очень проникновенным тоном сказал:

— Не хочешь же ты сказать, что это была... твоя мать?

Перед словом «мать» он сделал паузу, как будто хотел сказать «*tu chingada madre*» — идиома, которая содержит оскорбительный для собеседника намек. Слово «мать» было настолько неожиданным, что оба мы долго смеялись. Затем я обнаружил, что он уже спит и ничего не слышит.

Воскресенье, 6 августа 1961

Я поехал с доном Хуаном в тот дом, где принимал пейот. По дороге он сказал мне, что человека, который «представил меня *Мескалито*», зовут Джон. Подъехав к дому, мы увидели Джона на веранде с двумя молодыми людьми. Все они были в прекрасном настроении. Они смеялись и непринужденно болтали. Все трое хорошо говорили по-английски. Я сказал Джону, что приехал поблагодарить за оказанную помощь.

Мне хотелось узнать от них, что я делал во время галлюциногенного опыта, и я сказал, что, как ни пытаюсь вспомнить, что вытворял, ничего не получается. Они смеялись и отвечать отказывались. Похоже, их сдерживало присутствие дона Хуана: они все поглядывали на него, как бы ожидая сигнала, разрешающего говорить. Видимо, дон Хуан дал такой сигнал, хотя я ничего не заметил, и Джон начал рассказывать.

— Я понял, что ты «готов», — сказал он, — когда услышал, как ты пукнул.

По словам Джона, пукнул я раз тридцать. Да нет, заметил дон Хуан, не больше десяти.

Джон продолжал:

— Ну мы все тогда к тебе подвинулись. Ты застыл, и у тебя начались конвульсии. Очень долго ты лежал на спине и двигал ртом, как будто говоришь. Затем начал биться головой об пол, тогда дон Хуан напялил на тебя старую шляпу, и ты это прекратил. Ты трясся и вздрагивал, лежа на полу; и так очень долго. Помню, все уже заснуло, я только слышал сквозь сон, как ты пытишь и стонешь. Потом ты заорал, и я проснулся. Вижу — ты орешь и подпрыгиваешь. Ты бросился к воде, перевернул посудину и стал барахтаться в луже.

Дон Хуан принес тебе еще воды. Ты сидел спокойно перед кастрюлей, когда вдруг вскочил и стащил с себя всю одежду, встал перед кастрюлей на четвереньки и начал пить как не в себя. Потом уселся и просто сидел, уставясь в пространство. Похоже было, что ты собрался так сидеть до самой смерти. Ну, мы все опять заснули, и дон Хуан тоже, как ты опять вскочил, завыл и погнался за собакой. Собака перепугалась, тоже завyla и рванула вокруг дома. Тут уже всем стало не до сна. Мы вскочили, видим — ты возвращаешься с другой стороны дома, собака мчится перед тобой, лает и воет, а ты за ней гонишься. Ты, я думаю, раз двадцать обежал вокруг дома, лая по-собачьи. Я боялся, что ты разбудишь всю округу. Вблизи здесь соседей нет, но твой вой можно было услышать за милю отсюда.

Один из молодых людей вставил:

— Ты поймал собаку и на руках притащил ее на веранду.

— Ага, и начал с ней играть. Ты с ней боролся, вы скакали и кусались. Да уж, было на что посмотреть. Моя собака вообще-то не очень игривая, но тогда вы просто катались и ездили друг на друге, как ненормальные.

— Потом вы побежали к кастрюле и начали лакать, — сказал молодой человек. — Ты вообще бежал с собакой к воде раз пять или шесть.

— Сколько это продолжалось? — спросил я.

— Без конца, — сказал Джон. — Один раз мы потеряли вас из виду. Наверное, вы побежали за дом. Слышно было только, как вы там лаете и рычите. Лаял ты до того похоже на собаку, что вас невозможно было различить.

— Может, это была одна собака? — спросил я.

Они засмеялись, и Джон сказал:

— Да нет, парень, ты лаял, и еще как.

— А потом что было?

Все трое посмотрели друг на друга как бы в замешательстве. Наконец ответил, глядя на Джона, молодой человек, который до этого все время молчал:

— Он поперхнулся.

— Ага, точно, ты вроде задохнулся и начал очень странно плакать, а потом упал на пол. Мы боялись, что ты откусишь себе язык; дон Хуан разжал тебе челюсти и плеснул в лицо воды. Тогда ты начал дрожать, и по всему телу у тебя опять пошли конвульсии. Потом ты затих. Дон Хуан сказал, что все закончилось. Было уже утро. Мы укрыли тебя одеялом и оставили спать на веранде.

Тут он взглянул на остальных, которые, казалось, едва удерживаются от смеха. Он повернулся к дону Хуану и что-то спросил. Дон Хуан усмехнулся и что-то ответил. Джон повернулся ко мне и сказал:

— На веранде мы тебя оставили потому, что боялись, как бы ты мне весь дом не обписал.

Все разразились хохотом.

— Что такое? — сказал я. — Неужели я...

— «Неужели ты»? — передразнил Джон. — Мы не хотели тебе говорить, но дон Хуан сказал, что можно. Ты обписал всю собаку с ног до головы!

— Что-что?

— Ну, ты же не думаешь, что собака удирает от тебя потому, что боялась? Собака удирает потому, что ты ее поливал.

Все покатались со смеху. Я попытался задать вопрос одному из молодых людей, но за общим хохотом ничего не было слышно.

Джон продолжал:

— Ну, мой пес в долгу не остался. Он тебя тоже обписал, как мог.

Тут уж все просто завывало от смеха, засмеялся и дон Хуан. Когда они как-то успокоились, я растерянно спросил:

— Что, неужели это правда? Все это в самом деле было?

Джон ответил, посмеиваясь:

— Клянусь: моя собака в самом деле на тебя мочилась.

На обратном пути я спросил дону Хуана:

— Неужели все, что они рассказали, правда?

— Правда, — ответил дон Хуан. — Только они не видели того, что видел ты. Они не понимают, что ты играл с ним. Поэтому я не вмешивался.

— Но неужели весь этот спектакль со мной и с собакой и то, как мы мочились друг на друга, — правда?

— Это была не собака! Сколько тебе повторять? Только так можно понять то, что с тобой было. Только так! С тобой играл именно он.

— А ты знал о том, что со мной было, до того, как я тебе рассказал?

Он на секунду задумался.

— Нет, просто я вспомнил после твоего рассказа, какой у тебя был странный вид. По тому, что ты не был испуган, я понял, что с тобой все в порядке.

— И что, все это в самом деле выглядело так, как они рассказывали, — что я играл с собакой и все такое?

— Проклятье! Это была не собака!

Четверг, 17 августа 1961

Я рассказал дону Хуану, что я думаю по поводу моего опыта. Насколько я понимал, с точки зрения обучения событие было катастрофическим. Я сказал, что с меня хватит одной встречи. Я признался, что все это, конечно, более чем интересно, но вновь искать подобных встреч я не собираюсь. Мне совершенно ясно, что такие истории не для меня. Одним из побочных следствий употребления пейота было странное недомогание — какой-то непонятный страх, какая-то тревога и меланхолия, не поддающаяся точному определению. И я в этом не находил ничего хорошего.

Дон Хуан рассмеялся и сказал:

— Ну вот, ты и начал учиться.

— Хорошенькое обучение! Пусть так учится кто-нибудь другой.

— Любишь ты преувеличивать.

— Да ничего я не преувеличиваю!

— Еще как. Жаль только, что преувеличиваешь ты одно плохое.

— Для меня, насколько я понимаю, здесь вообще нет ничего хорошего. Мне страшно, а остальное меня мало интересует.

— Ничего, что страшно. Когда тебе страшно, ты видишь все по-новому.

— Меня это не трогает. Я чувствую, что мне лучше оставить *Мескалито* в покое.

Он меня просто подавляет. И ничего я в этом хорошего не вижу.

— Хорошего, действительно, мало, в том числе и для меня. Не ты один сбив с толку.

— Ты-то здесь при чем?

— Я думал о том, что ты видел прошлой ночью. Без сомнения, *Мескалито* играл с тобой, вот в чем штука. Это был явный знак.

— Что еще за знак, дон Хуан?

— *Мескалито* указывал мне на тебя.

— Указывал что?

— Вначале мне это было неясно, а теперь я, кажется, понимаю. Он сказал, что ты «избранный» (*escogido*). *Мескалито* указал мне на тебя и дал знать, что ты избранный.

— Я что, избран для какой-то цели или что-то вроде этого?

— Нет, я имею в виду, что *Мескалито* сказал, что ты можешь оказаться тем человеком, которого я ищу.

— Как же он тебе это сказал, дон Хуан?

— Он сказал мне это тем, что играл с тобой. Это и значит, что ты избранный; ты избран для меня.

— Что это значит — быть избранным?

— Я знаю некоторые тайны. Среди них есть такие, которые я могу открыть только избранному. И вот я вижу, как ты играешь с *Мескалито*; той самой ночью мне стало ясно, что ты и есть такой человек. Но при этом ты не индеец. Невероятно!

— Но что это значит для меня, дон Хуан? Что мне делать?

— Я принял решение и буду учить тебя тем тайным вещам, которые составляют судьбу человека знания.

— Ты имеешь в виду тайны, связанные с *Мескалито*?

— Да. Но это еще не все, что я знаю. Есть тайны иного рода, которые мне нужно кому-нибудь передать. У меня самого был учитель, бенефактор, и я также после определенных испытаний стал его избранным учеником. Он обучил меня всему, что я знаю.

Я опять спросил, что же потребуется от меня в этой роли; он сказал, что потребуется только одно — учиться, учиться в том

смысле, который мне начал открываться с недавнего времени.

Дело, таким образом, поворачивалось неожиданной стороной. Только я собрался известить дона Хуана о своем решении оставить идею учиться знанию о пейоте, как он сам предложил мне стать его учеником в полном смысле слова. Я плохо понимал, что он имеет в виду, но было ясно, что это нечто очень серьезное.

Я принялся отпираться, ссылаясь на то, что совершенно не готов к этому, — ведь ясно, что для такой задачи потребуется редкое мужество, которого у меня нет и в помине.

Я говорил ему, что в таких делах предпочитаю уступать главную роль другим и просто наблюдать со стороны. Я хотел бы просто выслушивать его оценки и высказывания по различным вопросам. Я сказал, что был бы счастлив просто сидеть здесь и без конца его слушать. Для меня это было бы обучением.

Он терпеливо слушал. Когда я наконец выдохся, он сказал:

— Все понятно. Страх — первый неизбежный враг, которого человек должен победить на пути к знанию. А ты, кроме того, любопытен. Это значит, что ты будешь учиться вопреки самому себе; таково *правило*.

Какое-то время я еще протестовал, пытаясь его разубедить, — но он, похоже, и не представлял себе иного для меня выхода.

— Ты думаешь не о том и думаешь не так, как следует, — сказал он. — *Мескалито* в самом деле играл с тобой. Думай об этом, не цепляйся за свой страх!

— Неужели это было так необычно?

— Сколько я себя помню, я видел лишь одного человека, с которым *Мескалито* играл, — тебя. Ты не привык к жизни такого рода, поэтому от тебя и ускользают совершенно ясные знаки. Ты, в общем, человек серьезный, только твоя серьезность направлена на то, что тебя занимает, а не на то, что достойно внимания. Ты слишком занят собой. В этом вся беда. Отсюда твоя ужасная усталость.

— Но что еще можно делать, дон Хуан?

— Нужно искать и видеть чудеса, которых полно вокруг тебя. Ты умрешь от усталости, не интересуясь ничем, кроме себя самого; именно от этой усталости ты глух и слеп ко всему остальному.

— Это, пожалуй, точно, дон Хуан. Но как мне измениться?

— Подумай хотя бы о том, какое это чудо — *Мескалито* играл с тобой. О чем еще думать? Остальное придет само.

Воскресенье, 20 августа 1961

Вчера вечером дон Хуан приступил к моему обучению. Мы сидели в темноте на веранде. Он сказал, что собирается дать мне некое наставление — в том же виде, в каком сам его получил от своего бенефактора в первый день ученичества. Дон Хуан, видимо, запомнил формулу наизусть, поскольку повторил ее несколько раз для полной уверенности, что я не пропущу ни слова.

— Человек идет к знанию так же, как он идет на войну, — полностью пробужденный, полный страха, благоговения и безусловной решимости. Любое отступление от этого правила — роковая ошибка, и тот, кто ее совершит, непременно доживет до того дня, когда горько пожалеет об этом.

Я спросил его, почему это так, и он ответил, что только выполняющий эти условия застрахован от ошибок, за которые придется платить; лишь при этих условиях он не будет действовать наугад. Если такой человек и терпит поражение, то он проигрывает только битву, а об этом не стоит слишком сожалеть.

Затем он сказал, что будет давать мне знания о «союзнике» точно так же, как его самого учил бенефактор. Слова «точно так же» он особенно подчеркнул, повторив их несколько раз.

— *Союзник*, — сказал он, — это сила, которую человек может ввести в свою жизнь как советчика, как источник помощи и силы, необходимый для совершения разных поступков — больших и малых, правильных и неправильных. *Союзник* необходим, чтобы улучшить и укрепить жизнь человека, чтобы направлять его действия и

пополнять его знания. *Союзник*, в сущности, — неоценимая помощь в познании.

Все это дон Хуан сказал с силой и абсолютной убежденностью. Видно было, что он тщательно взвешивает слова. Следующую фразу он повторил четыре раза.

— С помощью *союзника* ты увидишь и поймешь такие вещи, о которых вряд ли еще от кого-нибудь узнаешь.

— *Союзник* — это что-то вроде сторожевого духа?

— Нет, это не сторож и не дух. Это мощь.

— Твой *союзник* — *Мескалито*?

— Нет. *Мескалито* — совсем иная сила. Несравненная сила! Он — *защитник*. Он — учитель.

— Чем же он отличается от *союзника*?

— *Союзника* можно приручить и использовать, *Мескалито* — нет. Он вне всего и ни от кого не зависит. Он по собственному желанию являет себя в каком захочет виде тому, кто предстал перед ним, будь это *брухо* или обыкновенный пастух.

Дон Хуан с большим энтузиазмом заговорил о *Мескалито* как о наставнике, учителе того, как следует жить. Я спросил, каким же образом учит *Мескалито* «как следует жить», и дон Хуан ответил — он *показывает*, как жить.

— Как показывает?

— Способов множество. Он может показать это у себя на ладони, или на скалах, или на деревьях, или просто прямо перед тобой.

— Это что — картина перед тобой?

— Нет. Это учение перед тобой.

— Он что-то говорит?

— Говорит. Но не словами.

— А как же тогда?

— Каждому по-разному.

Я почувствовал, что мои расспросы опять его раздражают, и больше не прерывал. Он вновь принялся разъяснять, что для познания *Мескалито* не существует общеобязательных предписаний; учить знанию о *Мескалито* не может никто, кроме него самого. Потому он особая сила; для каждого он неповторим.

С другой стороны, чтобы получить *союзника*, в обучении требуется строжай-

шая последовательность, не допускающая ни малейших отклонений. В мире много таких союзных сил, сказал дон Хуан, но сам он знаком лишь с двумя из них. Именно с ними и с их тайнами он намеревался меня познакомить; однако выбирать между *союзниками* придется мне самому, поскольку я могу иметь лишь одного. У его бенефактора *союзником* была «трава дьявола». Но самому дону Хуану она пришлась не очень по душе, хотя он узнал от бенефактора все ее тайны. Мой личный *союзник* — «дымок» (*humito*), сказал дон Хуан, но в дальнейшие детали не вдавался.

Я все же спросил его, что это такое. Он не ответил. После долгой паузы я спросил:

— Какого рода сила *союзника*?

— Я уже говорил — это помощь.

— В чем она состоит?

— *Союзник* — это сила, которая способна увести человека за его границы. Именно таким образом *союзник* открывает то, что никому не известно.

— Но и *Мескалито* тоже уводит тебя за твои границы. Разве это не делает его *союзником*?

— Нет. *Мескалито* уводит тебя за твои границы для того, чтобы учить; *союзник* — для того, чтобы дать тебе силу.

Я попросил остановиться на этом более детально или хотя бы объяснить разницу в их действиях. Он взглянул на меня, потом расхохотался и сказал, что обучение посредством разговоров не только пустая трата времени, но и редкая глупость, потому что обучение — труднейшая из всех задач, с какими человек может столкнуться. Он спросил, помню ли я, как пытался найти свое пятно, желая при этом обойтись без всяких усилий и втайне рассчитывая, что он подаст мне на тарелочке всю информацию. Если бы я так поступил, сказал он, ты бы никогда ничему не научился. Напротив, именно узнав на собственном опыте, как трудно найти пятно, а самое главное — убедившись, что оно в самом деле существует, я получил такое чувство уверенности, какое невозможно получить никаким иным образом. Он сказал, что,

пока я сижу, прикипев к своему «благоприятному пятну», никакая сила в мире не способна нанести мне вред именно по причине моей уверенности в том, что на этом месте это невозможно. На этом месте я могу отразить нападение любого врага. Если же, допустим, он открыл бы мне, где находится это место, я никогда бы не имел той уверенности, которая является единственным критерием моего знания как подлинного. Это и значит: знание — сила.

Затем дон Хуан сказал, что любому, кто приступает к учению, приходится выкладываться во всем точно так же, как выкладывался я в поисках своего «пятна», и что границы обучения определяются самой природой ученика. Именно поэтому разговоры на тему обучения лишены всякого смысла. Некоторые виды знания мне просто не под силу и способны лишь уничтожить меня. Он поднялся, давая понять, что тема исчерпана, и направился к двери. Я сказал, что все это очень пугающе и совсем не то, что я себе представлял.

Он ответил, что страхи — дело обычное; все мы им подвержены, и тут ничего не поделаешь. Однако каким бы устрашающим ни было учение, еще страшней представить себе человека, у которого нет союзника и нет знания.

Глава 3

Прошло два года с тех пор, как дон Хуан начал учить меня о силах союзников. Наконец он, видимо, решил, что я созрел к их освоению в форме той непосредственной практической вовлеченности, которую он считал единственным настоящим обучением. За два года он подвел меня к неизбежному результату всех бесед и к обобщению всего учения — к состояниям необычной реальности. Вначале он говорил о союзных силах очень редко и лишь при случае. В моих записях первые

упоминания о них разбросаны среди бесед на другие темы.

Среда, 23 августа 1961

— «Трава дьявола» была *союзником* моего бенефактора. Я мог бы выбрать ее и своим *союзником*, но мне она не понравилась.

— Почему она тебе не понравилась?

— У нее есть один серьезный недостаток.

— Она в чем-то уступает другим *союзникам*?

— Не передергивай. Она не менее сильна, чем самые могущественные *союзники*, но в ней есть нечто, что лично мне не по душе.

— Можно узнать, что именно?

— Она ослепляет людей. Она дает человеку вкус к силе слишком рано, не укрепив его сердце, и делает его одержимым. Благодаря ей он уязвим в самом центре полученной от нее невероятной силы.

— Можно ли этого избежать?

— Можно преодолеть, избежать нельзя. Всякий, кто берет ее себе в *союзники*, должен заплатить эту цену.

— Как же это преодолеть, дон Хуан?

— У «травы дьявола» четыре головы: корень, стебель с листьями, цветы и семена. Каждая голова особенная, и именно в этом порядке должен узнавать ее каждый, чьим *союзником* она становится. Самая важная голова — это корни. Через корни покоряется сила «травы дьявола». Стебель и листья — это голова, которая лечит болезни; если знать, как ею пользоваться, то это будет просто подарок человечеству. Третья голова — цветы; с ее помощью можно сводить людей с ума, или делать их рабами, или убивать их. Тот, у кого в *союзниках* «трава дьявола», сам никогда не пользуется ее цветами; по этой же причине он не употребляет стебель и листья, за исключением тех случаев, когда сам чем-нибудь болен; но вот корни и семена идут в дело всегда, семена особенно: они — четвертая голова, самая могущественная.

Мой бенефактор говорил, что семена — это «трезвая голова», единственная часть, которая укрепляет человечес-

кое сердце. Тот, кому покровительствует «трава дьявола», говорил он, должен быть с нею постоянно начеку, иначе она убьет его прежде, чем он доберется до секретов «трезвой головы», что ей обычно и удается. Существуют, правда, рассказы и о таких, которые вывели у «трезвой головы» все ее тайны. Достойный вызов человеку знания!

— Твой бенефактор разгадал эти тайны?

— Нет.

— А ты сам встречал кого-нибудь, у кого это получалось?

— Нет. Но такие люди были в те времена, когда ценилось такое знание.

— Может, ты знаешь тех, кто встречал таких людей?

— Нет, не знаю.

— Может, твой бенефактор знал из них кого-нибудь?

— Да, бенефактор знал.

— Почему же сам он не добрался до секретов «трезвой головы»?

— Приручить «траву дьявола» и сделать своим *союзником* — труднейшая задача. Со мной, например, она никогда не становилась одним целым — возможно, потому, что я никогда не был особым ее поклонником.

— И все же, хотя она тебе не нравилась, ты до сих пор можешь использовать ее как *союзника*?

— Могу. Но лучше этого не делать. Возможно, у тебя будет иначе.

— Почему ее так называют?

Дон Хуан сделал неопределенный жест и пожал плечами; потом сказал, что это ее «временное» имя. Есть и другие, но они под запретом, потому что в данном случае произнести имя — значит идти на серьезный риск, особенно если речь идет ни много ни мало о приручении *союзника*. Я спросил, почему произнести имя — дело столь серьезное. Он сказал, что имена хранятся в тайне, на тот крайний случай, когда придется призывать помощь, в минуты крайнего потрясения или жестокой нужды, и, кстати, заверил меня, что рано или поздно такое случается в жизни каждого, кто ищет знание.